

ПОЛЕТ НОРМАЛЬНЫЙ

Теперь-то многие знают, что Тюратам - то же самое, что город Ленинск и космодром Байконур. А тогда об этом только начали рассказывать. Мы ходили по улицам этого легендарного города, и Мейрам как-то особо всматривался в его дома и улицы. Он еще в поезде сказал не без волнения: «Ребята, я ведь срочную службу на Байконуре отслужил...».

А город был как город, почти такой же, как два года назад. В сентябре 1991 года еще почти не коснулась его разруха «перестройки». Но уже глухо звучало упрямо-детское: «Твое-мое, отдай мою игрушку». И в цехах сборки системы «Энергия» - «Буря» инженеры и рабочие уже без всякой надежды доказывали казахстанским журналистам, что все это необходимо сохранить, что все это - стартовые, мощные носители, новейшие фрегаты Космоса есть достижения Союза. А самому Союзу оставалось жить всего три месяца...

Удивительно, но эти предстартовые сутки в Байконуре почему-то запомнились меньше всего. Вот разве что гостиница, ведомственная, без удобств, куда и поселили казахстанцев: те, что получше, были отданы иностранцам. Преклонение перед всем «маде ин не наше» уже вступало в свои права. Да Бог с ней, гостиницей! Было б куда приложить голову, где отдохнуть, чем умыться. Не гулять же приехали - работать. Во всяком случае, наша дружная карагандинская группа была терпелива.

А потом пошла работа, и о благах думать стало еще более некогда. За двое суток до старта мы выехали в темную степь сопровождать мотовоз с уложенной на платформу ракетой-носителем. Носитель медленно поднимался в стартовое положение (а это отнюдь не вертикаль!), операторы и фотокорреспонденты искали кадры. И я снова, как два года назад, дал им такой кадр: рельс для мотовоза с четкой рельефной надписью: «Завод им. Сталина. 1938». Этот рельс, кажется, так и принимает на себя огромную тяжесть до сих пор...

Нам дали возможность поговорить со стартовым расчетом. Тогда еще на «двойке», знаменитой «гагаринской» площадке, хозяйничали военные. И монтажники молчаливые но очень сель-

го дня было всего два случая замены основного экипажа.

И вот пресс-конференция. Вопросы задавали самые разные. В том числе и о политической подоплеке полета: политика тогда входила в моду. Экипажи отвечали уверенно и спокойно - эти ребята готовы ко всему. Что-то спросила у Аубакирова Светлана Фиалкова - он оживился, увидев карагандинских журналистов, ответил обстоятельно. Нас ведь интересовала не политика - детали биографии космонавтов, подробности

стана Нурсултан Назарбаев, канцлер Австрии (к сожалению, не осталось в записи его имя!), высокое духовенство. Нурсултан Абишевич оставался внешне невозмутимым, пока носитель шел к своей далекой орбите, но волнение его все равно ощущалось...

Нам сообщили: корабль «Союз ТМ-13» вышел на орбиту спутника Земли, все параметры в норме, начата подготовка к стыковке. Оставалось ждать ее, стыковку, но о ней мы услышали уже дома. И вот что запомнилось - как ломились в единственный ТУ-154

Поезд тянулся на северо-запад. Но чем дальше уходил он от умеренно-теплой и влажной сентябрьской Алма-Аты, тем суше и горячее становился воздух. Здесь, в Кызыл-Ординской области, словно еще стоял июль. А через двое суток оператор Мейрам Габдуллин бросился снимать: появились первые песчаные барханы с редкими кустиками скудной растительности. Мы приближались к станции Тюратам...

Т. Аубакиров с врачом Н. Воробьевым.

Восемь суток на орбите

На пресс-конференции.

площадью тысячу квадратных метров. Извлекли и запасной. Грузовая ПЭМ подкатила к аппарату, готовясь принять его - отсюда до Аркалыка всего 50 км. Уже улетели вертолеты с журналистами, а мне повезло: разрешили сопровождать космонавта-два, то есть Аубакирова. Кроме обычных фельдшеров, его сопровождал врач поисково-спасательной службы полковник Николай Николаевич Воробьев.

Это был веселый перелет. Коля Воробьев - человек очень живой, с юмором. Прямо Теркин от медицинской службы. Оживлен был и Тохтар Аубакиров: перешучивался с фельдшером, хохотал с Колей Воробьевым. С огромным удовольствием он принял от врачей бутерброд - кусок мяса с хлебом и прямо-таки впился в него зубами: «Ребята, земная еда!». Всего восемь суток полета хватило человеку, чтобы понять и познать всю необычность орбитального полета: отсутствие веса, консервированная пища, постоянный шум на орбитальном комплексе и прочее.

езные солдаты, вдмучиво и вско отвечали на вопросы. Они были полны важности от причастности к такому сверхсерьезному делу. Офицеры разговаривали куда раскованнее, отвечали практически на все вопросы. Журналистов больше интересовал «неуставняк» - в армии творилось черт знает что. Но и офицеры и солдаты стартового расчета прямо-таки клялись: отношения нормальные, потому что отбирают сюда людей особых, «штучных»... И почему-то верилось в это: ребята выглядели уверенными и спокойными.

Нам рассказывали: по случаю исторического полета местные власти устроили большой той для всех причастных. Рассказывали, потому что журналистов, понятное дело, туда не допустили. Да и к чему? Нам интересовал полет, готовность основного экипажа - Александра Волкова, Тохтара Аубакирова и Франца Фибек к старту. В любую минуту готов был заменить их дублирующий экипаж: Александр Викторенко (кстати, уроженец Северного Казахстана!), Талгат Мусабаев и Клеменс Лоталлер. Но до это-

будущего полета. После пресс-конференции Тохтар Онгарбаевич упрямил врачей, чтобы пожать руки тем, кто впервые рассказал жителям области о летчике-испытателе фирмы МИГ.

Удивительно был расположен к нам и заместитель директора Института медико-биологических проблем Герой Советского Союза Валерий Поляков. Он был очень терпелив и безропотно выполнял операторские капризы. Сказал очень добрые слова обоим космонавтам-казахам, отметил их тягу к новым знаниям и незаурядную специальную подготовку.

А сам старт проходил почти буднично. Все было как обычно: «тусовщики» наливались коньяком в буфете, а кто работал - тот работал. В белой юрте мы расспрашивали о планах Талгата Мусабаева, а он говорил, что в космонавтику пришел всерьез и надолго. Так потом и оказалось!

Но, конечно, особую торжественность моменту придавало присутствие официальных лиц. На «вип-трибуне» ждали старта Президент Казах-

журналисты из Казахстана: их оказалось очень много. Но мы все-таки прорвались. В который раз.

ПОСАДКА - ЖЕСТКАЯ

Аркалык встретил сильным ветром. Мне пришлось быть здесь почти год назад, когда финишировал японский космонавт Тохиро Акияма. Это была целая эпопея: советские журналисты повели борьбу за право полететь раньше. Мы проходили конкурсный отбор и медкомиссию, шесть человек готовились в течение года, но японец все равно стартовал первым.

Тогда, в декабре 1990 года, в транслации приземления спускаемого аппарата корабля принимала участие передвижная телестанция Карагандинской студии телевидения. И вот тогда мы увидели, что такое настоящий большой телерепортаж: его вели с трех вертолетов и поисковых машин. Такой картинке видеть еще не доводилось. Правда, Акияму едва не вернули на Землю раньше времени, так плохо он себя чувствовал. И уже после возвращения, неосторожно двигаясь, ухитрился вывихнуть ногу...

Наш Тохтар Аубакиров, судя по сообщениям, чувствовал себя вполне хорошо. Знакопеременные перегрузки, которые приходится испытывать летчиком, особенно испытателям, дали привычку чувствовать себя нормально в любой ситуации. И теперь мы готовились встретить его. Но так получилось, что разбросали карагандинскую группу. Мейрам Габдуллин уходил на первом вертолете. Я - на последнем, вместе с КТО (командой технического обслуживания). Свету Фиалкову в вертолет не взяли вообще.

Мне казалось, что вертолет наш тянется медленно и как-то особо уныло. КТО, мужики уже в возрасте, дремали: их дело десятое, им размонтировать спускаемый аппарат уже после того, как все оттуда улетит. Бортехник экипажа, видимо из сочувствия, транслировал все, что слышал в наушниках. «Есть касание, срабатывание двигателей мягкой посадки... Приземление жесткое, корабль несколько раз перевернуло... космонавты отстрелили стренги парашюта... идет эвакуация экипажа, работает оперативно-техническая группа».

А мы все тащились и тащились к месту посадки...

На видеопленке остались бесценные кадры: Аубакирова ведут под

рукой, в какой-то момент он качнул головой и высказался о жесткой посадке... ну, скажем, по-мужски. И еще звучал на фоне всего тревожный голос: «Валера, Валера, где ты?». Мейрам искал меня, потому что как раз космонавтов усадили в шезлонги и разрешили первое интервью. Но вопросы задавать было некому: наш вертолет еще только заходил на посадку по графику, как и было ему положено.

Все стало ясно при взгляде на спускаемый аппарат. До сих пор не приходилось видеть, чтобы обгоревшая термозащитная обложка давала такую трещину. Несколько позже нам рассказали подробности посадки. Да, редко кому достается такое! Сильный ветер грохнул аппарат об землю, трижды перевернув. Аубакиров оказался внизу. Не вовремя расстегнул ремни, на него «приземлились» Анатолий Арцебарский и Франц Фибек, а несколько минут спустя рухнул мешок со стокилограммовым грузом. Так что «прелести» посадки Тохтар Онгарбаевич ощутил в полной мере...

И все же нам повезло. Врач Юрий Матвеев завел нас с Мейрамом в надувную медицинскую палатку. Аубакиров лежал, обвитый какими-то трубками, протянул руку, и мы поздоровались не без робости - кто их, врачей, знает... Ну вот, примчался врач Милявский, начал орать: что это здесь за посторонние? Словно это не с ним вчера сидели за одним столом, и он распинался в вечной дружбе...

И вот тут не выдержал Тохтар Аубакиров: «Да вы что?! Это же карагандинцы, это земляки мои! Что они вам, помешают?!». Милявский буркнул что-то насчет десяти минут и снова исчез. А Тохтар Онгарбаевич именно нам, карагандинским журналистам, дал одно из первых интервью. Говорил о выполнении программы, неплохом самочувствии (хотя, судя по отрывистым фразам, чувствовал он себя еще не очень) и благодарил товарищей по полету. А потом Матвеев выпроводил нас наружу: врачи принимались за обычные свои дела, и посторонним в этот момент здесь делать нечего.

Вокруг шла обычная работа. Специалисты РКК «Энергия» снимали свои приборы, извлекали грузы, укладывали скафандры. Ребята из знаменитой Ивановской фирмы, где делают парашюты, уже скатали купол

- Вот завис вниз головой - а сам удивляешься, почему это другие висят головой вниз. Где пол, где потолок - все безразлично. Нужно тебе вещь держи крепко: уплывет, один Аллах знает, где она потом окажется...

Он уже забыл о первых неприятных минутах невесомости - а это бывает у каждого новичка в космосе, тяжелой посадке. На жестком вертолетном сиденье отдыхал человек с чувством исполненного долга. Для него этот полет был обычной испытательной работой. Таким он и остался на фотокадрах - веселым, оживленным. И теплая куртка с эмблемой ВВС на рукаве была ему к лицу.

Вертолет коснулся бетонки Аркалыкского аэропорта, подкатил к черным «Волгам» с огромной толпой встречающих. Мы быстренько покинули борт, ушли под брюхо вертолета, растворились в толпе. Дальше уже было не так интересно: пыльная встреча в аэропорту, посвящение космонавтов в почетных граждан города, песни встречающих, приветственные слова. Это было уже завершение полета.

В Караганде Тохтар Аубакиров появился в конце года вместе с товарищами по полету - когда были завершены все медицинские обследования.

И снова вернулся, теперь уже летом 1992 года. Он еще пытался что-то сделать для родного Карагандинского аэроклуба. Но уже не было Советского Союза, накрепко закрылись, щелкнув замками, входные двери суверенных государств. Перестали быть нужными опытные летчики-испытатели. Фирму МИГ с рынка начала вытеснять фирма СУ. Вернуться на испытательную работу Тохтару Аубакирову не пришлось...

Только три года спустя ушел в свой первый полет казахстанец Талгат Мусабаев. Еще впереди была борьба за комплекс «Мир», строительство МКС, которая окажется все-таки хуже российского собрата. И еще долго будет до реализации программы «Байтерек» и запуска первого казахстанского спутника КАЗСАТ. Начало этому было положено тогда, осенью 1991 года, полетом первого космонавта-казаха. Но вряд ли кто скажет, что реализация дальнейшей программы развития казахстанской космонавтики будет делом простым.

Валерий САВИН
фото архив

Ф. Фибек: «Посадка жесткая!»